

16.430к 7

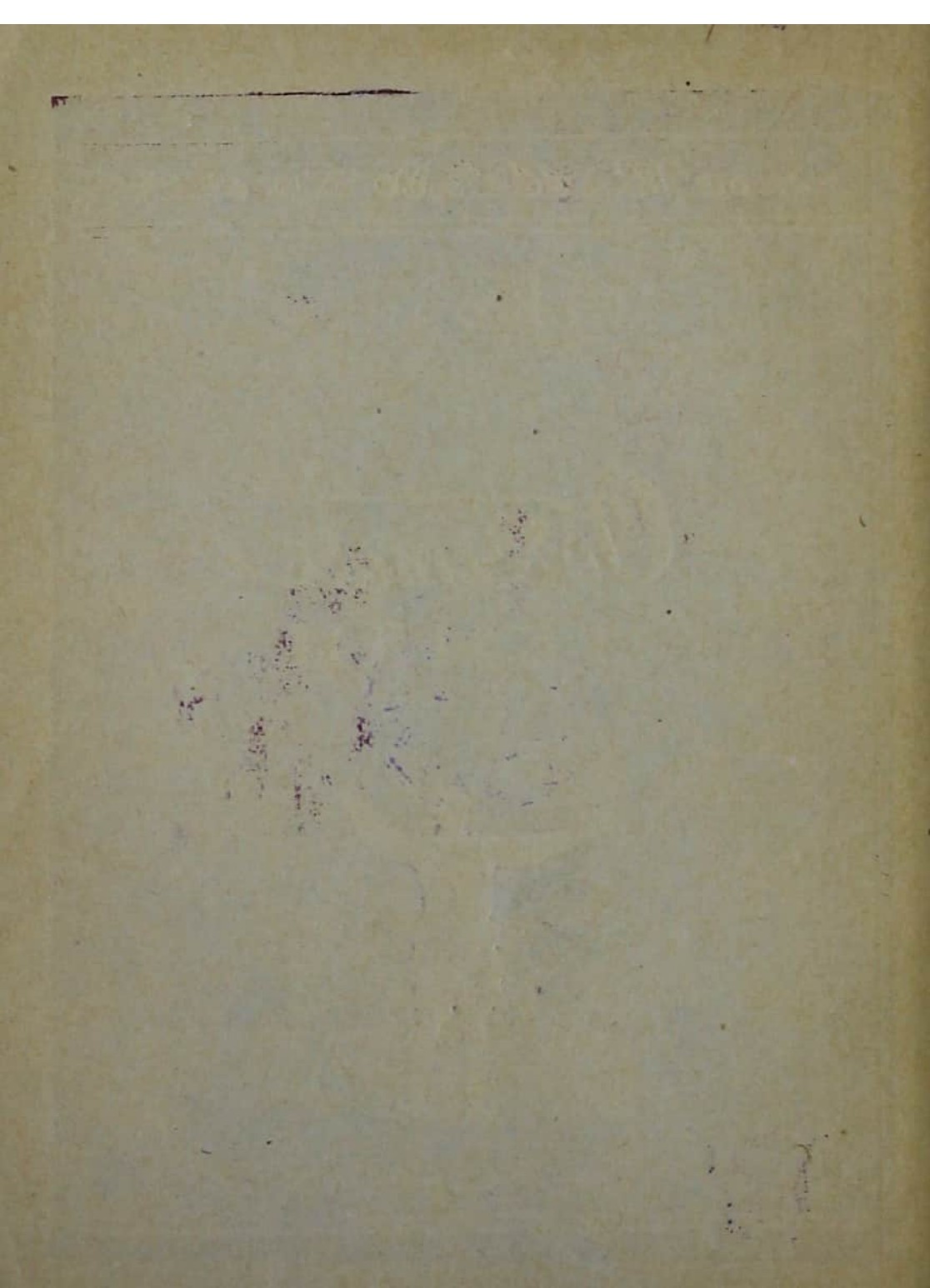

М. КОЧНЕВ

Обязанья
ЗЕМЛИ

ИВГИЗ-1943

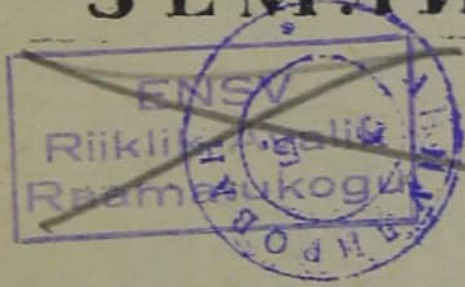
Vd 11103

М. Кочнев

16430к

Обрятия ЗЕМЛИ

94

ОГИЗ
ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1943

2010

Редактор Д. Н. Семеновский.
Художник Н. Я. Соколов.

*

Подписано к печати 26 XI. 1943 г.
КЕ 2005. Печ. л. 1¹/₄. Уч.-изд. л. 1,3.
Тираж 5000 экз. Цена 1 руб, 50 коп.

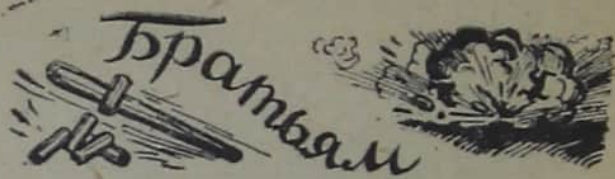
*

Типография издательства Иванов-
ского областного совета депутатов
трудящихся. Иваново. Типограф-
ская, 4. Заказ № 5052.

СТАЛИНСКИЙ УТЕС

Высоко голову вознес
Непобедимый город-воин,
Стоит над Волгой, как утес,
Легенд волнующих достоин.
Его израненное тело
Еще от ран кровоточит,
В нем битва грозная кипела,
Сверкали молнии-мечи.
На помощь городу-герою
Идут ивановцы-ткачи,
Уж землекопы землю роют,
И на лесах топор стучит.
Смеется радостное солнце,
В ожившем городе тепло,
И в уцелевшее оконце
Вставляют первое стекло.
Вчера советские солдаты
Громили злобного врага,
А нынче там звенят лопаты,
Поет пила, стучит кирка.
Встает из пепла город-воин,
Что все невзгоды перенес,
Легенд волнующих достоин
Могучий сталинский утес.

Братьям—рядовым воинам Великой отечественной войны—Александру и Василию Кочневым.

Обращаюсь к вам, братья, с приветом,
С теплым словом певучей строки.
Я душистым владимирским летом
С вами часто играл в городки.

Я завидовал вашей смекалке,
Незадачливый битый игрок.
Метко, братья, метали вы палки:
Как удар, — так долой городок.

Вы не брали с меня контрибуций,
Как берут с побежденных в войне,—
Предлагали пониже нагнуться
И верхом разъезжали на мне.

Под одним одеялом на сене
Летом мы засыпали втроем,
А когда приходилось на сцене
Выступать, и счудим и споем.

Дни за днями летели, как птицы;
Незаметно я с вами подрос,
Подружился я с Красной столицей,
Вы родной полюбили колхоз.

Возвращался я летом в побывку:
— Ну, родимая, гостя встречай! —
Разливали по рюмкам наливку,
Распивали под липами чай.

В липах пчелы гудели-звенели,
Над скворешней летали скворцы...
А теперь вы надели шинели,
Русокудрые братья-бойцы.

В ваших крепких руках автоматы.
Верьте, братья, мы встретимся вновь :
Близок день беспощадной расплаты,--
Смерть врагу за невинную кровь!

Написала мне мать из колхоза:
„Я без дела сидеть не хочу;
Ничего, что старуха: в морозы
С молодыми овес молочу.

Много ржи мы вчера смолотили, —
На току проработала день.
Только крепче бы недруга били,
Гнали б дальше от сел, деревень.

Мы зерно обмолотим, провеем,
Урожай в закрома уберем.

Тем, кто борется с лютым злодеем,
Вдоволь мяса и хлеба пришьлем.

Всей стране угрожает вражина.
Не к лицу быть без дела и мне,
Потому что два сокола-сына
Бьются с недругом там, на войне.

Буду бить с ними проща злого,
Помогу им трудом воевать".
Братья, помните гневное слово,
Что в письме написала мне мать.

МЫ ВЕРИМ

Мы все-таки верим, что ты придешь,
С победой закончив бой.
Пусть воют метели, пусть хлещет дождь,
Мы встретимся вновь с тобой.

Мы все-таки верим, что ты придешь,
Хоть нет от тебя письма;
Ты в белом халате снегами ползешь,
Тебя бережет зима.

Мы все-таки верим, что ты придешь,
Мой синеглазый брат,
И, встав у порога, мать обоймешь,
В походной шинели, солдат.

Мы все-таки верим, что ты придешь,
Я видел тебя во сне,
Чем дальше ты, брат мой, на Запад идешь,
Тем ближе к своей стороне.

Мы все-таки верим, что ты придешь,
Хоть нет от тебя письма;
Ты в белом халате к дзоту ползешь,
Тебя бережет зима.

I

Он шел, штурмуя „Чортов мост“,
Бросая орлий взгляд.
А с войском ласков был и прост,
Орлами звал солдат.

Штык называл он молодцом,
А пулю душой звал.
И что его зовут отцом
Солдаты, твердо знал.

И повторял он каждый день,
Бодря своих орлят:
— По той тропе, где шел олень,
Пройдет и мой солдат.

Он так своих солдат учил:
— Бить недруга умей,
Из-за кусточка наскочи,
Маневр свой разумей.

Ты притаись за бугорком,
Как тигр, вскочи с земли,
Пока враг делится, — штыком
Злодея приколи.

Люблю я бой,
А не парад.
Под пулю зря не лезь,
Маневр обдумывай, солдат,
В тебе свой разум есть.

А кто Суворова побил?
Какие вражьи тьмы?
А кто так родину любил
Свою,
Как любим мы?!

Ребятуншки, ушки
Держи на макушке,
Пудра — не порох,
Букли не пушки,
Коса не тесак,
Суворов не немец —
Природный русак.
Мы знаем, ребята,
Русак — не трусак.
И с немцем водить
Не люблю я родню,
А наше-то дело
Поближе к огню.

II

Альпийских гор
Высок хребет.
Суворов спрашивал солдат:
— Ну, как? Взберемся или нет?
Вперед или назад?..

Уж очень горы высоки,
А на горах-то лед,
И притупились штыки, —
Сам чорт здесь не пройдет...

— Какой, солдатушки, совет
Дадите нынче мне?
Отступим, что ли?

Хмур и сед
Сидел он на коне,
На белом, как альпийский снег,
Гривастом степняке.
И горы, белые навек,
Дымились вдалеке.

И говорят ему в ответ:
— Взбираться повели!
Таких-то гор на свете нет,
Чтоб взять мы не могли...

— Возьмем, — воскликнули полки.
И грянуло: — ура!
И в лед вонзились штыки,
Пусть высока гора...

Полезли вверх. Летят орлы,
Нарушен их покой, —

Смотрел Суворов со скалы,
Махал войскам рукой.
И чуткий конь храпел под ним,
Цугливо глядя вниз,
А облака, как белый дым,
Клубились и неслись.
И за веревки ухватясь,
Полк за полком наверх вползал.
А камни, в пропасти катясь,
Гремели между скал.
И на веревках пушки вверх
Тащил за взводом взвод.
Суворов в страх врагов поверг,
Закончив переход.

Альпийских гор
Хребет высок,
Не смерять горных круч.
Был смел
Суворовский бросок,
Шло войско выше туч.
И каждый был
Измучен, зол
От воинских тягот,
А шел, куда Суворов вел:
Все выше, все вперед.

— Хвала вам, воины, хвала!
Орлам ли отступить?—
И лавой в битву потекла
Суворовская рать.

III

Суворова заветы твердо
Блюдет народ советский в дни,
Когда страну терзают орды
Фашистской пьяной солдатни.
В ответ на зверства, с гневом ярим,
Собрав могучие полки,
Врагов суворовским ударом
Возьмем в граненые штыки.

ЛЕНИНГРАД

В огне военном
 горят
Север, запад
 и юг.

У ворот твоих,
 Ленинград,
Клубок
 ядовитых гадюк.

Ленинградцы
 становятся в строй.

Летит на врага
 пуль град.

Вышел на бой,
 город-герой,
Прославленный Ленинград.

Идут ленинградцы
 за город
 драться:

Печатники и кузнецы.
Сыновья и отцы,
С винтовкой встав,
 у всех застав

Город родной
 берегут,
Грудью путь заградив врагу.

Пушек жерла
 смотрят ввысь.
Электросиловцы,
 скороходовцы
Защищают
 свободу,
 жизнь.

Лица суровы,
 суровы слова,
Поступь тверда
 у бойца.

Была голуба
 Нева —

Стала
 серей свинца.

Серый гранит
Славу России
 хранит.

В городе молодом
Летопись —
 каждый дом.

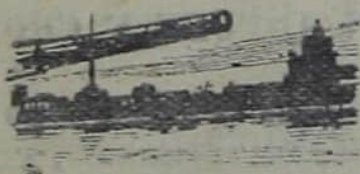
Немецкой каской
 не пить из Невы.

Пусть
 камни, расплавясь,
 в огне сгорят, —

Не склонит
 своей головы

К ногам врага
 Ленинград.

Не вынесут
 позора
Ни камень,
 ни металл:
Когда-то здесь
 выстрел „Авроры“
Грозно прогрохотал.
Вымчится из музея
 сражаться,
По улицам грохоча,
Броневик,
 с которого
К петроградцам
Простерлась
 рука Ильича.
Не устояв
 в стороне от борьбы,
Под красноармейское
 „ура“
Конь,
 взвившийся на дыбы,
В бой
 понесет Петра.

МОСКВА НОЧЬЮ

Город, кажется, умер, не дышит.
Великаны закрыты глаза.
Нет, живет он и дышит и слышит
Все, что друг и что недруг сказал.

Часовые у каждой калитки.
Только враг в облаках появись,
Тяжело загрохочут зенитки,
И прожекторы вцепятся ввысь.

ЧТО ПОСЕЯЛ, ТО ПОЖАЛ

Писал жене он: „Дорогая,
Москва все ближе с каждым днем.
Наступит скоро жизнь другая:
Они посеют — мы пожнем“.

Но поплатился шкурой всею,
На костылях не убежал,
Что на пути в Москву посеял,
То на пути в Берлин пожал.

ПО ДОРОГЕ К СВОИМ

Не припомню никак хорошенько:
Это было, быть может, село,
А, быть может, была деревенька,
Подходил я — совсем расевело,

16.430к

Помахала рукою от хаты
И, входя на крылечко за мной,
Говорила хозяйка: „Солдаты
Здесь немецкие. Схватят, родной.
Пережди-ка у нас на подклети,
Накормлю. Чай, устал? Отдохни!
Хоть и есть у нас малые дети,
Но не бойсь, не докажут они“.
И спросила, когда отрезала
На повязку хозяйюшка холст:
— Издалека?
— Оттопал немало.
Сосчитать — так с полтысячи верст.
И она головой покачала.
Ставит с кашей на стол чугунок,
Хлеб и соль.
— Закуси-ка сначала,
С перевязкой успеем, сынок.
Напоили меня, накормили.
Я проснулся. На улице тьма.
А когда из избы выходили,
Мне сказала хозяйка сама:
— По тропинке дойдешь до овина,
Выйдешь в лес, не ходи на большак.
Может быть и родимого сына
Кто-нибудь приголубит вот так!..
Не припомню никак хорошенько,
Это было, быть может, село,
А, быть может, была деревенька.
В лес вошел я, когда рассвело.

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

Полнеба заревом объято,
Орудья бухают вдали.
Лежит солдат,
В руке солдата
Зажата горсть сухой земли.
Пусть чернозем в руке, не глина,
Но, взвесив трудности пути,
За этой горстью из Берлина
Едва ли стоило идти.

ДОЗОР

Светает. Дождь пробарабанил
Прямой наводкой по листве.
Но он ни листика не ранил,
Лежит дозор в сырой траве.
В былинке каждой ищут смысла
Бойца пытливые глаза.
А капля чистая повисла
Над ним, как матери слеза.

МАРОДЕР

Для белокурой немки эти
Цветные туфли и шелка.
В одной — шелка, на пистолете
Другая жадная рука.
Полны и сумки и корзина,
Но выстрел грянул с чердака.
На мостовой у магазина —
Солдат и туфли и шелка.

СОВЕТСКАЯ ВИНТОВКА

Он до последней бился пули,
Лежал в снегу за бугорком,
Когда враги кольцо сомкнули,
Вперед рванулся со штыком.

И храбреца не одолели,
Штык не согнулся и не сдал.
Враги в сугробах коченели,
А он винтовку обнимал.

НА РАССВЕТЕ

Фашисты избы превратили в доты.
Всю ночь гремела по селу пальба,
И очищалась за избой изба
Под натиском родной пехоты.

Все было тихо на рассвете.
Сияли материнские глаза, —
Их оросила радости слеза.
И на руки бойцам бросались дети.

СЕРЕБРО

Сервис серебряный и ложки
Звенят в украденном мешке,
В пустом кармане — хлеба крошки,
Обмерзли пальцы на руке.

Луна поляну осветила.
Солдат валялся под бугром.
Глаза фашиста ослепило
Холодным снежным серебром.

Уже не чувствует он боли,
Окоченел, застыл кулак.
И серебро, что в русском поле,
Никак не покладешь в рюкзак.

НАД МОГИЛОЙ

На казнь фашистские громилы
Ее, раздетую, вели.
Зеленых веток на могилу
Односельчане принесли.

Стоит без шапки над могилой
Старик высокий и седой.
Он переполнен гнева силой
И мстить готов, как молодой.

СЛОВО МАТЕРИ

Черным вороном весть облетела
Нашу землю: враги у ворот.
За отчизну, за правое дело
Поднимайся на битву, народ!

Я запомнил суровые лица
Молчаливых седых матерей,
Провожавших за родину биться
Крепкогрудых орлят-сыновей.

Я запомнил: пришла до вокзала,
Опираясь на палочку, мать,
Отдышалась и сыну сказала:
— Посылаю тебя воевать.

Отъезжающим кланялась в пояс:
— Все вы мне, как родные сынки.
Детки, храбро воюйте!.. — А поезд
Ждал отправки. Запели звонки.

Эшелон уходил от вокзала,
Таял стук торопливых колес.
То, что мать на прощанье сказала,
Каждый в сердце с собою увез.

ДОЛОЙ С ЗЕМЛИ

Две кости желтые и череп,
Фашистской свастики клешни.
Куда уж тут считать потери,
И знамя бросили они,
Январской ночью удирая
И спотыкаясь на бегу.
Лежит раздавлен, умирая,
Солдат под знаменем в снегу.
Не взять советской им твердыни,
В Москву фашистам не войти,
И до Берлина от Медыни
На костылях не доползти.
А по весне в болото мшистое
Телок блудливый забежит.
И череп грязного фашиста
Пастух дубиной размозжит.

КИСТЬ

Франциску Варцлавану

И оживут цветы и листья,
Коралл блеснет с морского дна,
Когда рука послушной кистью
Коснется смело полотна.
И я с тобою, друг мой, вместе
Перед картиною стою
И, сердцем всем исполнен мести,
Я вижу Латвию твою.
Глаза глядят окаменело:
В них жажда мщенья — не испуг.
Как изуродовано тело
Твоих сестер, твоих подруг.
Как дышат правдою полотна,
Тревожа мстителей сердца.
И на затвор ложится плотно
Рука латышского бойца.
Как наши музы возмужали,
Как прост и гневен их язык.
Они с бойцами рядом встали,
В руке у каждой русский штык.

Всяк по-своему привык
Вспоминать то место,
Где живет отец-старик,
Мать или невеста.

Где я только ни бывал,
Мест объездил сколько!
Но нигде не забывал
Древний Юрьев-Польский.

Молчаливый городок
В синей котловине.
С поля веет ветерок
Запахом полыни.

Деготьком несет с дорог,
С поля пахнет викой.
Небольшой мой городок—
Часть земли великой.

Он плывет по морю ржи,
Изобильный хлебом.
Острокрылые стрижи
Полосатят небо.

Белой пеною сады
Закипают в мае
И на зеркало воды
Лепестки роняют

А на храмах фресок старь,
След поры былинной.
Здесь отец купил букварь
За пятиалтынный,

Подучился я, подросток,
Парень-забияка
На вокзал меня отвез
Дед мой добрый Яков.

Как приятно думать мне,
Да и всем, уверен,
Что живу я в той стране,
Где родился Ленин.

Пусть растут среди полей,
Труд любя и книжки,
До прославленных людей
Земляки мальчишки.

И работают потом
Где кому придется:
На комбайне, за станком,
В красных полководцах.

Чтоб, встречая их в бою.
Мог сказать я кратко;
— Молодцы, я узнаю
Земляков ухватку!

Запели песню в небе журавли,
На жнивие серебрится паутина.
Плывут к плотинам головли
Глотать густую с прозеленью тину.

Справляют свадьбу целый день грачи,
Глотая жадно спелую рябину.
И солнца поздние, но теплые лучи
Позолотили вербы и осины.

Полным-полны сады и огороды,
Как восковые, желтые плоды.
И ведреной обласканы погодой,
Блестят на солнце светлые пруды.

И с каждым днем крупнее птичьи стаи,
Мы вновь их встретим будущей весной.
В далекий край надолго улетаю,
Они прощаются с родимой стороной.

Густой багрянец сел на каждый кустик.
Прозрачный воздух стал ядреней и свежей,
Пугливо жирный заяц на капустник
По тихой пробирается меже.

Уходит лето с журавлиным воплем.
В умолкший лес, в болото ли войдешь, —
Здесь пряно пахнет пьяным гонобоблем,
И в крупной клюкве кочки сплошь.

Ни веточка, ни листик не шелохнет, —
Такой покой, такая тишина!
Природа с каждым днем все больше глохнет,
Как будто к сну готовится она.

И глухари с макушек голых зорко
Глядят, лоснясь нагулянным крылом.
Калина у подножия пригорка
Весь день пылает огненным костром.

Я не бываю в эти дни унылым.
Дорогой звонкой весело иду.
Во мне вскипают творческие силы,
Я отдаюсь любимому труду.

Я славлю родину, ее луга и пашни,
И наших северных лесов красу.
К сынам ее, могучим и бесстрашным,
Мою любовь до гроба пронесу.

Я всем родной в семействе многоликом,
И я хочу, чтоб голос был мой нов, —
Я буду петь о Родине великой,
О подвигах ее больших сынов.

В НОВОЙ СЕМЬЕ

В чужой семье сидела на диване,
Когда шумел над крышей самолет.
В испуге девочка кричала няне:
— Заприте дверь, солдат сюда идет!

А няня ей: — Не плачь, уймися, крошка,
Разбойник снова не придет сюда. —
И подносила сироту к окошку:
— Смотри, на крыльях красная звезда.

Но долго бились с девочкой упрямой,
Малютка не хотела называть
Приветливым и теплым словом „мама“
Хоть и заботливую, но чужую мать.

В чужой семье — не радость, и игрушки
Стоят, как мертвые, и не зовут играть.
Ей чудилось: опять стреляют пушки,
И виделась повешенная мать.

И сирота сидела молчаливо,
Ее гнездо сожгла войны гроза.
И умные, крупнее чернослива,
Глядели грустно черные глаза.

Но время шло, и горе остывало.
В чужой семье теплее стало ей,
И женщине чужой она сказала:
„Я буду, мама, дочкою твоей“.

ЗЕЛЁНЫЙ ОКЕАН

Шумит в полях, волнуется
Зелёный океан,
Деревни, села светлые
Плывут среди полян.

По океану хлебному
Плывут, как корабли,
Над ними перелетные
Курлычут журавли.

У водопоев сытые
Колхозные стада.
И песни над дорогами
Запели провода.

Дороги бесконечные,
Дороги далеки.
По ним быстроколесые
Бегут грузовики.

Стоят, собой любуются
Над зеркалом воды
И закипают пеною
Цветущие сады.

И рокот самолетов
Гудит среди полей.
И обогнали летчики
Над рощей журавлей.

МАТЬ

Мало счастья ты знала на свете,
То в нужде, то в несчастьи скорбя.
На дешевом, поблекшем портрете
Я, родимая, вижу тебя.

Я не помню тебя. Говорила
Наша добрая бабушка мне:
Ты в ту осень на сносях ходила,
Молотили горох на гумне.

С мужиками ты рядом стояла
У настила с тяжелым цепом.
На снопы золотые упала
Землянистым и бледным лицом.

Приносили мякны и грязи,
Клали лед на живот и виски.
Через сутки просили у князя
Две сухих, две сосновых доски.

На дешевом поблекшем портрете
В бедном платье, с цветком на груди...
Как живут твои милые дети,
Поднимись, моя мать, погляди.

Загляни к нам в колхозные клетки,
Погляди на сады, на дома,
Где резвятся счастливые дети, —
Не дома, а как есть терема.

Как у нас твое имя любимо,
Мне словами тебе не сказать, —
Как у нас дорога и хранима
Гражданина советского мать!

СЫН

Какое имя дать тебе,
Чтоб шел ты гордо с ним по свету?
Быть может, дальний гость в избе
С вопросом подойдет к портрету:

— Кто он? — Ответит на вопрос
Соседа сын:

— Не знал печали,
Со мной в колхозе вместе рос,
Мы с ним в Чапаева играли.

Подобных тысячи найдешь, —
Пойди из края в край по селам, —
Желтоголовых, словно рожь,
Живых, веснущатых, веселых.

Они, как травы под дождем,
Растут и крепнут год от года.
Они обласканы вождем
Непобедимого народа.

Растет великая страна,
Дворцы, заводы, башни строя.

Тебе, быть может, даст она
Большое звание героя.

Два загорелых мужика,
Про подвиг твой прочтя в газете,
Помянут гордо земляка
И скажут:
— Вот! Учитесь, дети!

Помянут, как ты у ворот
Остриг мохнатый хвост собаки,
Как сам построил амолет
И сам себя звал: Коккинаки.

Как ты мальчишкой помышлял
Орлом взвиваться в жизни выше.
...Я на ладони подымал
Тебя, двухлетнего, до крыши.

Обуздали реку, — у запруды
Она встала, волной клокоча.
Рыли землю, кругом были груды
Глины, леса, щепы, кирпича.

Вырос город, он цементом спаен
Не на век, а на сотни веков.
По ночам из таежных окраин
На огни смотрят стаи волков.

Упираются в небо заводские трубы,
Город факелом светит из тьмы.
Сознавать и приятно и любо, —
Этот город построили мы.

Не страшны ни морозы, ни вьюга —
Теплота и уют — на моем этаже.
Мы под шопот тайги полюбили друг друга,
Здесь родился наш сын и болтает уже.

ТЕПЕРЬ И САМ СЕБЕ НЕ ВЕРЮ

Теперь и сам себе не верю.
Давно когда-то, лет шести,
Хотел я солнце, как тетерю,
Домой в лукошке принести.
Я часто видел вечерами:
В свою подземную нору
Садилось солнце за горами
Недалеко в Княжем Бору.
До бора кривенькой тропинкой
Подать рукой — одна верста.
Однажды вечером с корзинкой
Я притаился у куста.
У облака сережкой в ухе
Висело солнышко, горя.
Я под кустом сухой можжухи
За солнце принял глухаря.
Я бросил палкой, от удара
Перо упало из крыла.
Я то перо, боясь пожара,
Зарыл подальше от села.
Домой вернувшись, под оконцем
Я всем рассказывал о том,
Как я в лесу увидел солнце
Под можжевельным кустом.
Теперь и верю и не верю...
Давно когда-то, лет шести,
Хотелось солнце, как тетерю,
Домой в лукошке принести.

ДОЖДЬ

Как горошины, дождины
Барабалят о стекло.
Хлещет дождик на овины,
На косматое село.

Воздух чистый, ни пылинки.
Мир до ниточки промок.
Над извилистой тропинкой
Подымается дымок.

Снова выглянуло солнце.
Над землей, стрелой мелькнув,
Две касатки под оконцем
Собирают глину в клюв.

Засучив штаны потуже,
На селе мальчишек рой
Посреди огромной лужи
Затекает гидрострой.

Весь покрытый пылью белой,
Пахарь многих деревень,
Словно бронза, загорелый,
И рубашка под ремень.

Ждут его с почтеньем села,
Человека лучше нет.
Снял картуз у частокола
С уваженьем старый дед.

Две красивые девицы
Громко спорят у плетня:
— Вот на месте провалиться,
Поглядел он на меня.

А другая: — Что ты, что ты?
Да еще в часы работы!
У него теперь забот
Без любви полон рот.

Парень плавно газ убавил,
Надавил на рычаги,
У плетня коня поставил,
Шаркнул тряпкой сапоги.

Подошел к девицам браво:
— Я плутаю здесь давно,

Где проехать мне: направо
Иль налево — все равно?

А девицы поглядели,
Парню сделали намек:
— До своей заветной цели
В поле мало ли дорог?

— А еще хочу признаться:
Я плутаю здесь давно,
Где мне лучше постучаться:
К вам в калитку иль в окно?

— Если к Лидке, то в калитку,
А ко мне, так все равно.
Если будет слишком поздно,
Лучше стукните в окно.

Чтоб вы даром не плутали,
Поверните и в прогон.
— Мы дорогой той езжали, —
Улыбнулся девкам он.

Сделал низких два поклона,
Загудел, загромыхал,
Выезжая из прогона,
Обернулся — помахал.

Он заедет, не забудет
Напоить водой коня.
Обе думают: „Он любит
Не подругу, а меня“.

ЛЮБИМЫЙ КРАЙ

Любимый край, родная Сима,
В лесной зеленой стороне.
То явь
Иль сон неповторимый
Про милый край приснился мне.

Село с вечерним небосклоном,
С серпатым месяцем в пруду,
Скамья, где мы под старым кленом
Впервые встретились в саду.

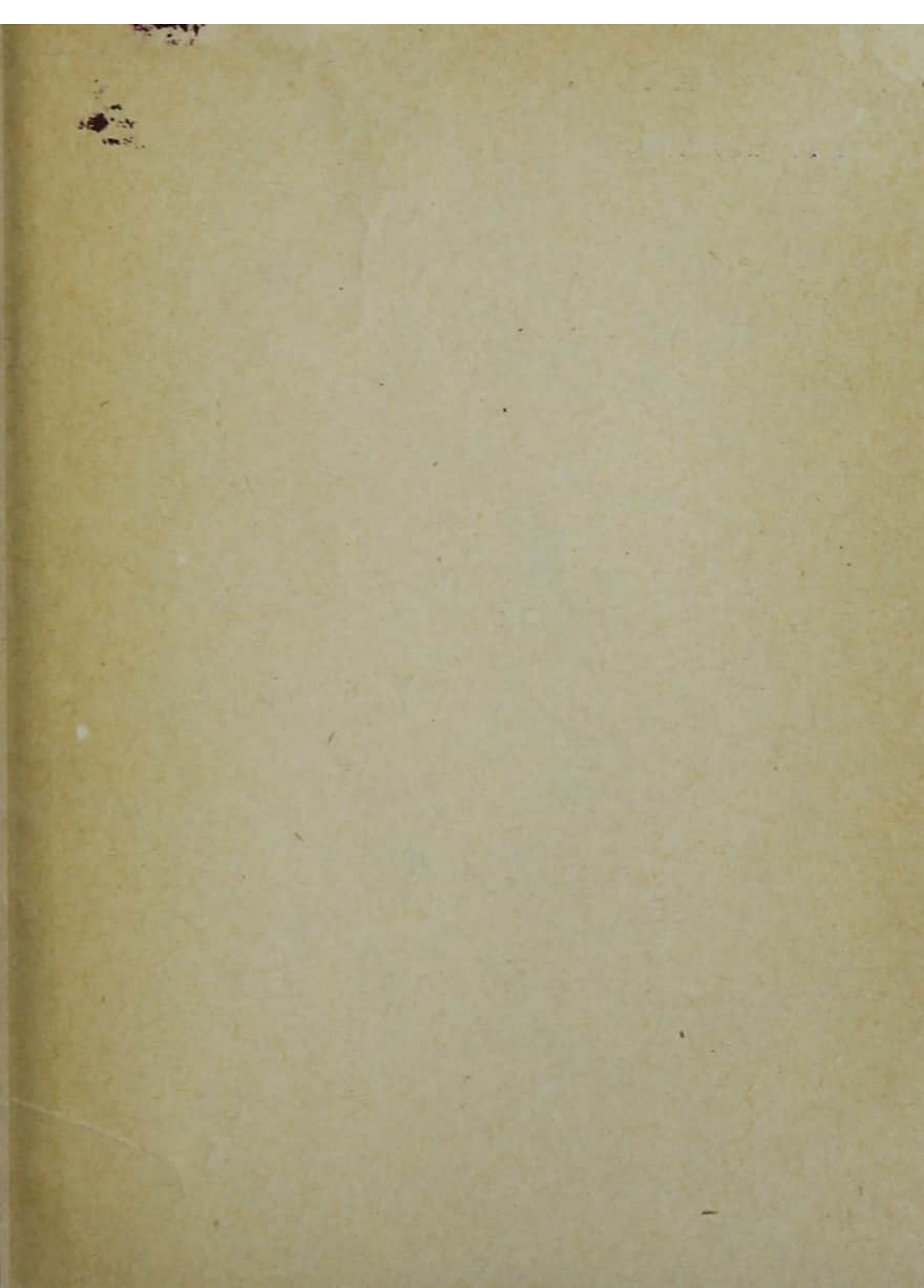
Иль это сон,
Иль в явь я слышу
Гром бомбой грянул над избой,
И барабанит дождь о крышу,
В окно,
В наличники с резьбой.

За все,
За все
Ты мной любима.
Ты отовсюду мне видна—
Село с названьем женским
Сима.—
Моя родная сторона.

Быть может есть края и краше,
Но сердцу нет нигде милей
Лесов, болот и речек наших
И наших утренних полей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сталинский утес	3
Братьям	4
Мы верим	7
Суворов	8
Ленинград	13
Москва ночью	16
Что посеял, то пожал	16
По дороге к своим	16
Горсть земли	18
Дозор	18
Мародер	18
Советская винтовка	19
На рассвете	19
Серебро	20
Над могилой	20
Слово матери	21
Долой с земли	22
Кисть	23
Землякам	24
Бабье лето	26
В новой семье	28
Зеленый океан	29
Мать	30
Сын	31
Новый город	33
Теперь и сам себе не верю	35
Дождь	36
Тракторист	37
Любимый край	39

454

1 РУБ. 50 КОП.

